

ОБРЯД И ТЕКСТ

УДК 398.3
ББК 82.3(2Рос=Рус)

НОРМАТИВЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ СВАДЬБЫ (НА ПРИМЕРЕ СВАДЕБНЫХ ПРИГОВОРОВ)¹

ЮЛИЯ АНДРЕЕВНА КРАШЕНИННИКОВА

(Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН:
Российская Федерация, Республика Коми, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26)

***Аннотация.** Нормативы являются составляющей традиционной культуры, в том числе свадебного ритуала, фиксируются как в поэтических текстах, так и в этнографических описаниях свадьбы. На материале свадебных приговоров автор рассматривает особенности вербальной манифестации запретов и предписаний, известных в культуре и функционирующих в свадьбе: в частности, механизмы воплощения нормативных представлений в поэтических текстах, регулярность употребления того или иного норматива в текстах, продуктивность/непродуктивность нормативных представлений, наличие в свадебных приговорах описаний, иллюстрирующих последствия нарушения того или иного норматива.*

***Ключевые слова:** свадебный обряд, свадебные приговоры, запрет, предписание, вербальная манифестация норматива.*

Настоящая работа является продолжением наших наблюдений над говорными жанрами свадьбы в контексте проблемы межжанрового взаимодействия, а также выявления возможных способов презентации и интерпретации народных представлений в говорных жанрах свадьбы.

Нас интересуют проблема вербальной манифестации запретов и предписаний, известных в культуре и функционирующих в свадьбе, а именно механизмы воплощения нормативных представлений в поэтических текстах, регулярность употребления того или иного норматива в текстах, продуктивность/непродуктивность нормативных представлений; наличие в приговорах описаний,

иллюстрирующих последствия нарушения норматива. Очевидно, что далеко не все нормативные представления воплощаются в поэтических текстах, поэтому любопытно, какие нормативы закрепляются в приговорах, имеют близкое текстовое воплощение в разных локальных вариантах, а какие нерегулярны, единичны, характерны для какой-либо локальной традиции.

В свадебном обряде приговоры, являясь частью репертуара многих участников ритуала (друзки, подруг невесты, сватов, тысяцкого, присутствующих гостей, не приглашенных зрителей, местных жителей и пр.), комментируют, организуют ритуальные акты, координируют действия участников свадьбы.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 18-012-00202а).

Если отталкиваться от тех наблюдений, которые уже есть в научном узусе²: норматив «задает границы» [Каргин, Костина 2009, 12] возможного поведения индивида, нормативы полифункциональны (поскольку предписывают, запрещают, интерпретируют, объясняют), обладают «более или менее жесткой регламентацией» [Каргин, Костина 2009, 8–9], — то по большому счету те приговоры, которые регулируют и направляют движение обряда, предписывают участникам ритуала те или иные действия, устанавливают границы поступков в ритуале, можно рассматривать как нормативные тексты. Выделяется довольно большой корпус приговоров свадебных дружек, которые представляют собой «инструкцию» правильного поведения и являются прямым предписанием тому или иному участнику ритуала, как надо себя вести и что делать. Эти тексты произносились «наперед», формируя, регламентируя поведение персонажа, которому были адресованы. По преимуществу это тексты императивно-рекомендательной риторики, с побудительной модальностью, директивность в них реализуется имплицитно на лексическом и синтаксическом уровнях³.

Нас больше интересуют случаи, когда известный в культуре норматив используется приговором, при этом нормативное высказывание усложняется

содержательно: это может быть развернутое пояснение или уточнение смысла той или иной прескрипции, некая иллюстрация последствий нарушения, дополнение норматива деталями, в результате чего он получает «многослойное» объяснение.

Так, во многих текстах дружка, описывая действия при входе в дом, комментирует переход через порог⁴. В приговорах действия дружки на пороге выражены посредством формулы «скок через порог, насили ножки переволок», которая фиксируется в записях разных локальных традиций России с 40-х гг. XIX в. до начала XXI в. В этой формуле концентрируется суть норматива и закреплена принципиальный момент: на пороге нельзя останавливаться, через порог нужно перейти («скок через (вар.: за) порог...»).

В некоторых записях формула получает продолжение в разных по объему описаниях, в которых, как правило, уточняется высота порога (он наделен характеристиками *крутой, высокий, высочайший*) и констатируются изменения физического состояния перешагивающего через порог дружки. Из текстов следует, что дружка приобретает ряд физических, в большинстве своем временных недостатков, которые по мере продвижения к центру дома невесты, т.е. преодоления ситуации «свое в чужом», проходят⁵. Так, ноги у дружки *худые, короткие, он насили ноги волочет*,

² Проблемы функционирования нормативных практик, широкого их распространения и включения во все слои культурного пространства, изучения нормативов и др. затрагиваются во многих работах, отметим, в частности, статью, в которой автор говорит о возможности описания системы запретов с помощью различных метаязыков [Чернов 1967], см. также: [Виноградова, Толстая 1999, 269–273]. Из относительно недавних укажем сборник статей «Социальные и эстетические нормативы традиционной культуры», опубликованный в 2009 г. [Славянская традиционная культура 2009], авторы которого рассматривают проблемы функционирования нормативов в традиционной и современной культуре; системы запретов и предписаний, сложившиеся в конкретных коллективах, группах; преемственность нормативов; различные подходы к фиксации и описанию нормативов, существующих в обрядовых практиках и отдельных фольклорных жанрах и др.

³ См., например, текст-предписание, адресованный невесте и посвященный тому, как ей надо вести себя с мужем: [Ончуков 1908, 261–264] (Архангельский у., Архангельская губ. 1905–1907 гг.), также приговоры, которые произносились дружкой в доме жениха перед выездом за невестой, например: [Киреевский 1911, 78–79] (Костромская губ.), при входе в церковь и др.

⁴ Собиратели и исследователи отмечают особую опасность порога в свадьбе, например: [Байбурин 2005, 163]. Собственно, иллюстративных примеров, в которых актуализирован запрет останавливаться на пороге, обсуждаются последствия нарушения запрета, в этнографических описаниях довольно много.

⁵ Приобретение дружкой при переходе через порог хромоты, немоты, слепоты и прочих физических недостатков характеризует эту ситуацию как рубежную. Устойчивость мотивов, связанных с асимметрией (хромота, кривизна, одноглазость и т.д.), характерных для пересечения рубежа, отмечал С. Ю. Неклюдов, рассматривая семантику фольклорного мотива «о кривом оборотне» [Неклюдов 1979].

перешагивание через порог происходит с трудом, что передается наречными формами *едва, чуть-чуть, насилиу*:

«Скок я через порог,
Насилу я ноженьки свои переволок.
Экой, сватушка, у вас высочайший порог,
Я, храбрый друженька, насилиу ноги свои
переволок...»
[Виноградов 1917, 99.] (Костромской у., Костромская губ.).

Переходя через порог, дружка падает, ударяясь головой:

«У вас пороги-то высоки,
У нас ноги-то коротки:
Скок за порог, едва ноги переволок,
Пал, споткнулся, да в пол головой воткнулся,
Встал, оправился да опять вперед отправился»
[Русская свадьба 2001, 292] (Вилегодский р-н, Архангельская обл. 1974 г. № 557).

Констатируется потеря зрения (*глазки мутятся, на глаз не зорок*), голоса, слуха (*на ухо не чуток*), приобретение хромоты, косоглазия:

«Я, дружка храбрый, // На ногу не верток, // На кулак не боек, // На ухо не чуток, // На глаз не зорок // <...> // У меня, дружка, у вертушка // Косые глаза...» [Ордин 1896, 94] (Сольвычегодский у., Вологодская губ.)⁶;

«Женщины, ходите,
Сикиль по полу не волочите,
Дружка хромой возьмет,
Поскользнется да упадет»
(Зап. от Я. М. Сулова, 1910 г.р., д. Суловщина, Мурашинский р-н, Кировская обл. 1990 г.) [СыктГУ: 1826–10].

В ряде локальных традиций популярны темы «больных (вар.: худых) ног» и «прижато-того языка» дружки, которые реализуются в текстах в форме просьбы оказать лечение. Так, в костромском приговоре дружка просит дать «гущицы», чтобы полечить ноги: «Скок через порог, насилиу ноги переволок, нет ли гущицы, чтобы ноги полечить?» [Иорданский 1896, 108] (Ветлужский у., Костромская губ.). В мурашинской традиции просьба оказать лечение объясняется тем, что в момент входа в дом дружка «прижал язык»:

«Свагушка да сватьюшка,
К вам бежал — язык прижал.
Нельзя ли его полечить,
Чем-нибудь помочить?
<Вина подают>
Как двери отворил,
Язык совсем не заговорил»
(Зап. от Е. Е. Бобровой, 1915 г. р., д. Бошары, Мурашинский р-н, Кировская обл. Соб. З. Н. Бильчук. 1990 г.) [СыктГУ: 1804–67]⁷.

В приговорах получили поэтическое воплощение представления о семантической оппозиции «правый — левый», первый член которой в текстах имеет значение «первого», «правильного», «получаемого», а второй — «неправильного», «следующего за правым (т.е. первым)» [Толстая 2009, 233–237]; актуализированы представления, связанные с профилактической функцией «правого»⁸. В частности, приговоры регламентируют любое движение начинать правой рукой/ногой, в производимых действиях ориентироваться на правую сторону, приведем несколько примеров:

— переход через порог, вход в дом дружка, жениха производят с правой ноги:

⁶ Ср.: фрагмент заговора, который использовали, чтобы лишить дружку способности передвигаться, говорить и т.д.: «...Он передо мною не может на ногах стоять и на боку лежать, языком говорить, руками делать, устами есть, свое дело вести...» [Логиновский 1899, 59] (Восточное Забайкалье).

⁷ Коррелирует с распространенным в севернорусской мифологической прозе мотивом «колдун наводит порчу на дружку», «запирая язык» последнему в момент перехода через порог: произнесение колдуном заговора сопровождалось закрыванием в стене или на потолке места от сучка, вследствие чего дружка не мог читать приговоры, другими словами, вести обряд. Нейтрализовать действия колдуна можно было при помощи молитвы. Ср.: в Мурашинском р-не Кировской обл. записано предписание: чтобы дружку не испортили, он при входе в дом должен «щель взять между ног», в противном случае «дружку заговорят <...>. Были такие специалисты, что прижмут на потолке, и дружка не скажет ни единого слова» [СыктГУ: 1805–73].

⁸ Например: чтобы день прошел удачно, переступайте через порог правой ногой, левой — к неудаче (URL: <https://jenskiymir.com/vera-i-religiya/primety/5077-что-нелзя-делат-через-порог-tradicii-nashih-predkov.html> (дата обращения: 15.02.2018).

«Благословляй дружку молодого <...> правой ногой за порог шагать, (переступает порог), на дубовый стол становиться» [Дементьев 1855, 104] (Кологривский у., Костромская губ.); «И берет дружка за витое колечко и ступает правою ногою, левою другою и говорит первое слово...» [ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Ед. хр. 401. Л. 4–4об.] (Вологодская губ.);

— двери дома открывает правой рукой: «Правую руку на скобу наложить, // Двери на пятау отворить, // На калинов мост взойти...» [Александров 1863, 64] (Вологодская губ.);

— рекомендует жениху взять невесту за правую руку: «Прикажите нашему князю, // Вашу княжну молодую, // За правую руку взять, // На правую ножку встать, // За столичек дубовенький...» [Суслов 1901, 3] (Малмыжский у., Вятская губ.);

— отец обращается к дружке в день венчания с приговором: «Вручаю тебе сына с правой руки, даю оного (одного. — Ю. К.), приводи двух» [Принкова 1926, 116] (Ржевский у., Тверская губ.);

— сваты начинают свое движение с правой ноги: «Сватушко ты милой-дорогой, // Повыступи ко мне правой ногой, // Мы поговорим что-нибудь с тобой» [Зеленин 1904, 15] (Яранский у., Вятская губ.), «<Сватушка>, «Выходи посередь полу, // Ставь вперед правую ногу, // Мы посоветуем с тобой // Насчет невесты молодой...» [Русский фольклор Удмуртии 1990, 53] (с. Чепца, Удмуртская Республика);

— путь свадебного поезда лежит «на правую руку»: «Выезжать мне со широкого двора и соезжать во широкую улицу, да поворотить на правую рученьку...» [Киревский 1911, 78] (Костромская губ.) и др.

Многие нормативы, связанные с печью и пространством около нее (вьюшка, полати, печной столб), закреплены в приговорах. Известно предписание, что невеста во время приезда жениха должна находиться в женской части избы («на середе», за «шитой-браной занавеской»). Вилегодская традиция предлагает такой вариант трактовки этого предписания:

« — А где молодая кнезина?

Ежели на середе — несу на переде,

Ежели на пече, то несу на плече.

Скажут:

— На середе»

(Зап. от Н. П. Тропниковой, 1932 г. р., д. Фоминская, Вилегодский р-н, Архангельская обл. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 1996 г.) [Крашенинникова 2009, 92].

Комментируя этот фрагмент, исполнительница отметила, что невеста, сидящая в момент приезда жениха на печи, считалась больной, испорченной: «*Может, она зреться залезла, может, замерзла, дак уж плохая невеста.* [А на середе?] *Это так уж положено. С середе выносят ее. Она должна ждать их там, ждать. С середе всегда выводят*» (Зап. от Н. П. Тропниковой, см. выше) [ИЯЛИ. АФ 1705–11а]. Таким образом, норматив получает в приговоре поэтическое объяснение: нахождение невесты «на середе» интерпретируется как проявление здоровья, готовности к свадьбе, сидение на печи, напротив, сигнализирует о физической немощности, болезненности, нежелании замужества⁹.

Спечью и околопечным пространством связаны прескрипции, предписывающие участникам свадьбы правильную стратегию поведения в доме в целях защиты от порчи. Так, в Саратовской губ., «когда молятся Богу, дружка говорит: “Не вон, не в избу, от печи отвалится”. И сам наблюдает за тем, чтобы из избы никто не выходил и не входил в избу и чтобы от печи отвалились, т.е. отошли, даже смотрит на печь, нет ли кого там. Если кто там, может быть, спит, то того будят и велят с печи слезть» [Тихонов 1912, 36]; в Костромской губ. дружка следит, «чтобы на свадебном пиру никто не стоял около столба, подпирającego полати: это место колдуна» [РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 78. Тетр. № 1. Л. 34. Зап. в 1902 г.]; «...около столбушки, у печки, под полатами <...> обыкновенно стоит портинник или колдун, и потому надо его задобрить» [Поспелов 1877, 132],

⁹ Уместно привести пример из Черниговской губ., в котором актуализируется идея сидения на печи как признака неготовности к браку: невеста «влезает на печь, а сваты упрасивают ее сойти вниз; если она спуститься с печи, то этим выразит свое согласие на брак (выделено мной. — Ю. К.), т.е. заявит свою готовность покинуть семейный очаг и перейти в дом жениха» [Афанасьев 1868, т. 2, 36. Цит по: Байбури 2005, 191]. Т. А. Новичкова отмечает, что «сидение на печи <...> означает крайне низкое социальное положение героя, нижнюю точку на шкале социальных ценностей» [Новичкова 1987, 186].

у вятских русских незадолго до приезда жениха забивали отверстие в трубе, чтобы колдуны не могли превратить гостей в волков [Андриянина 2012, 327] и пр.

В приговорах, комментирующих действия дружки и поезжан при входе в дом невесты или внутри него, упоминаются печь и детали печи (выюшка, полати, печной столб, труба печная и пр.). Так, прибыв в дом невесты, дружка идет на «середь», приговаривая: *«Пецьку заслоньте, голбцы затворьте, добры люди, присядьте все по местам, как соловушки по гнездам...»* [Кузнецов 1899, 534] (Ветлужский у., Костромская губ.); в Мурашинском р-не Кировской обл. при обращении к присутствующим пожилым женщинам он же говорит: *«А вас, говорит, старух старых, // Надо во двое согнуть // Да в печную трубу заткнуть...»* (Зап. от У.П. Крюковой, 1921 г. р. д. Крысаново. Соб. Ю.А. Крашенинникова. 1990 г.) [СыктГУ: 1814–6]. В приговорах девушек на елочку, близких на содержательно-стилистическом уровне приговорам дружек (об этом см.: [Крашенинникова 2015]), реализуется тема «выражения чести сидящим за столом гостям»: *«...Я не тем гостям кланяюсь, // Которые под полатами стоят, // А я тем гостям кланяюсь, // Которые за столиком сидят!»* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, 168] (Нейский р-н, Костромская обл., 1972 г.).

Связь печь (вар.: печной столб, полати) — колдун — порча в свадебных приговорах разворачивается с привлечением широкого контекста. В текстах ряда севернорусских традиций, которые произносились дружкой при входе в дом невесты, реализуется тема ограждения жениха и невесты от нежелательных людей и животных, способных испортить свадьбу, навлечь несчастье на новобрачных¹⁰. В числе таких чаще всего называются старики, старухи, дети («старики-еретики», «старики старые», «старухи старые», «старушка-волхунья»,

«старухи-пердуны», «старухи-кашлюны», «ребята малые», «ревуны»; единичные сочетания «бабы бранливые», «бабы бурливые», «бабы-колдуны», «мужики-еретики», «мужики-блядуны», «знатки знатливые», «колдуны колдуливые», «девки ревнивые», «девки красивые»); из животных — петухи («петухи-клевуны»), собаки («собаки ярые», «собаки кусливые», «собаки кусасты», «собачка-тевкунья») (единичные: «жеребцы-легуны», «жеребцы легливые», «коты-сарапуны», «кошечка-мевкунья», «коровы роливы», «коровы бодливы», «свиньи горласты», «курицы-колдуны», «курицы-клокотуны», «курицы хвадливы», «курочки кладливы»).

Как правило, дружка называет персонаж / группу персонажей и требует удалить его/их, называя место отсылки: «Злых еретиков — в подполье, // Баб-колдуньев — на голбец, // Маленьких детей — на полати» (Зап. от Н.О. Сухих, 1910 г. р., д. Никольск, Вилегодский р-н, Архангельская обл. Соб. Ю.А. Крашенинникова. 1996 г.) [ИЯЛИ. АФ 1703–48]. «Нет ли у вас старичка-еретничка (т.е. колдуна¹¹), // Старушки-волхуньи, // Собачки-тевкуни, // Кошечки-мевкуньи? // Их всех надо забрать в баню под полбк, // Под висячий замочек!» [Зеленин 1904, 30] (Слободской у., Вятской губ.);

*«Старух старых — на печку в угол,
Стариков-еретиков — под мост,
Петухов-клевунов — в шесток,
А робят малых — на заполье¹²,
Натыкать жопамы на колье.
Всем чего-то наказанье больше»*

(Зап. от П.П. Поповой, 1925 г. р., д. Закурье, Вилегодский р-н, Архангельская обл. Соб. Ю.А. Крашенинникова. 1996 г.) [ИЯЛИ. АФ 1706–75].

Выбор эпитетов, использующихся для номинирования нежелательных присутствующих, соотносится с народными

¹⁰ Мотив, который реализуется в этих текстах, мы обозначили «дружка заговаривается от порчи». Причиной именно такого обозначения послужила реплика одного из исполнителей свадебных приговоров, который заметил, что *«Когда он [дружка. — Ю. К.] читал про стариков-то этих, вот он в это время заговаривался...»* [ИЯЛИ. АФ 1703–53] (Вилегодский р-н, Архангельская обл.). Тексты с этим мотивом зафиксированы в записях XIX — начала XX в. из Пермской, Вологодской, Вятской губ., а также в записях конца XX — начала XXI в. из Прилузского р-на Республики Коми, Лузского р-на Кировской обл., Вилегодского р-на Архангельской обл. [Крашенинникова 2003, 76–79].

¹¹ Пояснение сделано Д.К. Зелениным. — Ю.К.

¹² *Заполье* — дальнее поле или пашня [Даль 1995, т. 1, 619].

представлениями о способах наведения порчи, согласно которым испортить можно умышленно или непроизвольно посредством действия, слова, взгляда, через предмет [Уляшев 1999, 362]. Порча может быть наслана людьми, наделенными особым знанием, — колдунами, «знающими» людьми; в приговорах они называются «колдуны колдуливые», «мужики-еретики», «бабы-колдуньи», «знатки знатливые». Включение в перечень таких персонажей, как «старуха-кашлюнья» (вар.: «пердунья»), «баба бранливая» (вар.: «бурливая»), «девки красивые» (вар.: «ревнивы»), «мужики-блядуны», «ребята ревливые» (вар.: «ревуны»), наравне с колдуном, колдуньей подчеркивает способность кашляющего, сквернословящего, болтливое человека испортить через выделения (слюна, запаха) или брань. Последняя в народных представлениях является отличительным признаком представителей «чужого» мира, кроме того, брань людей привлекает нечистую силу [Санникова 1995, 250–253]. Подчеркнуто вызывающая красота, ревность, склонность к прелюбодеянию, постоянный плач являются следствием порчи: носители таких черт характера или внешности характеризуются как испытывавшие воздействие нечистой силы или связаны с ней, притягивают порчу. В этом контексте обособлен выбор эпитетов, формирующих образы нежелательных присутствующих: *старый, малый* (подчеркивается неспособность к воспроизводству, отсутствие фертильности), *ревун, кашлюнья, бранливый, кусливый, рогливый, легливый, горластый*. Для людей с аномальными поведенческими характеристиками в этих текстах используются номинации *баба, девка, мужик*, имеющие в некоторых контекстах сниженное значение, пренебрежительный оттенок, отрицательную коннотацию. В частности, *баба* «в сочетании с мифологическими именами и эпитетами обозначает

различных женских демонов» [Терновская, Толстой 1995, 122], *мужик* употребляется в отношении «простолюдина, человека низшего сословия, необразованного, невоспитанного, грубого, невежи» [Даль 1995, т. 2, 357], т.е. в отношении к человеку, не являющемуся равным с окружающими со значением 'стоящий на более низкой ступени в социальном ряду'.

В числе животных, способных испортить, называются собака, петух, курица, что обусловлено их двойственной символикой в народных представлениях [Гура 2012, 93–95; Гура, Узенева 2009, 28–35]. Относительно других животных встречаются любопытные единичные свидетельства. Так, по народному поверью курица-молодка будет нести много яиц, т.е. станет *кладливой* (ср.: в приговоре «курочки кладливы»), если ее купить у того, кто хотел ее зарезать и съесть [РО РНБ. Ф. 775. № 4603. Л. 89; Ростовский у. Ярославской губ.]. А. И. Трунов указывает, что умерший колдун, не передавший перед смертью «своих тайн», «ходит оборотнем, непременно свиньей, и делает разные пакости людям» [Трунов 1869, 17; цит по: Зеленин 1995, 43] и др.

В перечне мест «ссылки» нежелательных присутствующих кроме печи в приговорах упоминаются такие элементы жилища, интерьера и локусы внешнего пространства, как подполье, полати, угол печи, голбец, застолье, подстолье, баня, крыльцо, задворье, заполье; большинство их относится к обладающим высокой степенью семиотичности локусам [Байбурун 2005].

Еще одно поверье, которое закрепилось в приговорах, предписывает опасаться встречи свадебного поезда в дороге с другим свадебным поездом или транспортным средством¹³: «Встреча двух свадебных поездов или встреча свадебного поезда с похоронами — не к добру, умрет кто-нибудь» [Архив РЭМ. Ф. 2.

¹³ Запрет, касающийся встречи новобрачных с животными при выходе из дома, отъезде в церковь, практически не встречается в поэтических текстах, чаще фиксируется в этнографических описаниях свадьбы, например: в Вятской губ. «... перед отправлением к венчанию дружка требует, между прочим, “чтобы не было ни собаки, ни кошек”: есть поверье, что если перед отправлением в путь или перед началом какого-либо дела пробежит по избе собака или кошка, а особенно если попадется на встречу, — то это дело будет неудачно; если же кошка или собака пробежит посреди новобрачных, то разрознит навеки сердца молодых» [Архив РГО. Р. 10. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 14об. Зап. до 1850-х гг. М. Спасский в Котельничском у. Вятской губ.]; «Когда выходит жених с невестой из дома под венец, чтобы меж ими не пробежала кошка, собака или даже человек — дурно будут жить молодые» [РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 78. Тетр. № 1. Л. 34–34об. Зап. в 1902 г. в Кологривском у. Костромской губ.] и др.

Оп. 2. Д. 100. Л. 9] (Костромская губ. Соб. В. И. Смирнов. 1920-е гг.).

В приговорах тема встречи свадебного поезда с другим транспортным средством или свадебным кортежем также получает развитие. В вятской, вологодской и пермской традициях дружка перед выездом корректировал свое поведение в дороге и получал инструкцию от присутствующих:

«Кто на стричу попадет
Или брак с браком съедется,
Как прикажете поступить:
В сторону ехать
Или полудороги давать?»

На этот вопрос поезжане отвечали:

«Если брак с браком съедется, то полдороги давать, а простому в тыл подавать» [Ордин 1896, 85] (Сольвычегодский у., Вологодская губ.);

«Дружка, при встрече ни от ково не отворачивай, пусть они нам отворачивают!» [Аргентов 1940, 176] (Оханский у., Пермская губ.; говорят дружке в доме жениха перед выездом за невестой);

«Кто встречу попадет, не станет воротить, того станем по шее колотить...» [Тронин 1895, 231] (Нолинский у., Вятская губ.);

«Господи Иисус Христе, сыне боже нас
и помилуй нас!

Отец родимый, мать родима,
Мы поедем,

Встретимся брат с братом,

Мы едем туда,

А другие оттуда едут

Кому прикажете воротить:

Им воротить или нам воротить,

Или на половину дорогу делить,

Или их по шее колотить»

(Зап. от С. П. Кашинцева, 1892 г. р. д., Роженец, Вилегодский р-н, Архангельская обл. Соб. В. В. Сорокин, Е. С. Кустовский. 1972 г.) [Крашенинникова 2009, 66];

«Расступитесь на все четыре стороны; дайте нашему новобрачному князю молодому путь-дорожку: полем гнать — тропу тропить, а лесом гнать — кухту бить, стришинова-поперешнова в сторону сбивать, — ехать по нашу новобрашину кнегину молодую» [Гладких 1913, 58] (Красноуфимский у., Пермская губ.) и комментирует: «Пересекать», т.е. переезжать и перебежать поперек пути свадебному поезду не принято; встречные на лошадях также уступают дорогу, сворачивая в сторону» [Там же].

В приговорах, посредством которых дружка просит благословение, обнаруживаются отсылки к нормативу, согласно которому необходимо получить благословение от всех присутствующих на свадьбе без исключения. В финальной части этих текстов реализуется тема описания последствий отказа благословить молодых: «Благословите, добрые люди; кто не благословит, тому сына не женить и дочки не отдать» [Мыльникова, Цинциус 1928, 120] (Череповецкий у., Череповецкая губ.). Заклинательный элемент «кристаллизуется» до уровня формулы и в таком виде фиксируется в разных свадебных текстах¹⁴. В некоторых приговорах формула распространяется иллюстративным элементом, в котором описание последствий невыполнения норматива представлено рельефно и выразительно, например: «Кто нашего князя молодого не благословит, тому сыновей не женить и дочерей замуж не отдавать: надует горой, поставит кверху дырой! Живучи старушка не благословила, пол п... ослизло, на печку пошла — у ней вся ушла. Она схватилась да поздно!» [Архив РАН. Ф. 104. Оп. 1. Ед. хр. 418. Л. 20об.] (Крестецкий у., Новгородская губ. Соб. П. Глинский. 1882 г.).

Таким образом, в свадебных приговорах некоторые нормативы закрепились в виде формул и типизированных описаний (например, формула порога)¹⁵. Эти формулы могут существовать в текстах как в лаконичном виде, так и получают распространение за счет развернутого поэтического

¹⁴ Например, см. в причитаниях невесты свату: «Дай-подай тебе, сватонько, // Полутридцать бы сыновей, // Полутридцать бы дочерей, // Сыновей бы не жанивать, // Дочерей не отдавывать...» [Балашов, Марченко, Калмыкова 1985, 126, № 158] (Вологодская обл.); «...Пусть за это-то сватушка по под лавкам век бегаёт, петухом кукарекает. // В осеку задавится, заяцом бы боботати, сыновей бы не жанивать, дочерей не отдавывать...» [РО ИРЛИ. Р. V. К. 12. П. 4. № 18. Л. 13об.—14. Зап. в Пинежском районе, кол. О. Э. Озаровской] и др.

¹⁵ «О свернутых до формул» правила поведения на материале поминальных обрядов удмуртов говорит Т. Г. Владыкина [Владыкина 2009].

пояснения, уточнения или детализации смысла той или иной прескрипции, описания последствий нарушения запрета. В результате известный в культуре норматив в приговорах приобретает «объемность», «многослойное» мотивированное пояснение. Иллюстрированных развернутых сюжетов, которые бы демонстрировали последствия несоблюдения нормы, в приговорах не так и много, что вероятно,

обусловлено задачами ритуала — правильно произнести все слова и выполнить все действия, поэтому в репертуаре свадебных персонажей (преимущественно дружек) больше текстов, которые предписывают, рекомендуют, регламентируют установленное ритуалом поведение, а также формулируют ограничения относительно будущих действий и поступков участников свадебного действа.

Источники и материалы

Александров 1863 — Александров В. А. Вологодская свадьба. СПб., 1863.

Аргентов 1940 — Аргентов Г. Наговоры дружки // Уральский современник: Литературно-художественный альманах. Свердловск, 1940. № 3. С. 176–178.

Архив РАН — Архив Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал.

Архив РГО — Архив Русского географического общества.

Архив РЭМ — Архив Российского этнографического музея.

Виноградов 1917 — Виноградов Н. Н. Народная свадьба в Костромском уезде // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 8. Кострома, 1917. С. 71–152.

ГАВО — Государственный архив Вологодской области.

Гладких 1913 — Гладких А. Н. Крестьянские свадебные обряды и проч. у жителей села Торговижского Красноуфимского уезда Пермской губ. // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Вып. X. Пермь, 1913. С. 1–76.

Гринкова 1926 — Гринкова Н. П. Старая и новая свадьба в Ржевском уезде Тверской губернии // Сборник Ржевского общества краеведения. Вып. I. Ржев, 1926. С. 98–142.

Даль 1995 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1995.

Дементьев 1855 — Дементьев В. Деревенские свадьбы в Кологривском уезде Костромской губернии (отрывок из путевых заметок) // Москвитянин. 1855. № 7. С. 65–134.

Зеленин 1904 — Свадебные приговоры Вятской губернии / Зап. и коммент. Д. К. Зеленина. Вятка, 1904. С. 1–33.

Иорданский 1896 — Иорданский Н. Свадьба в Ветлужском крае // Этнографическое обозрение. 1896. Т. 31 (4). С. 107–113.

ИЯЛИ — Фольклорный архив Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; АФ — аудиофонд.

Киреевский 1911 — Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. I: Песни обрядовые. М. 1911.

Крашенинникова 2009 — Свадебные приговоры Вилегодского района Архангельской области в рукописной и устной традиции XX в. (иссле-

дование и тексты) / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. А. Крашенинниковой. Сыктывкар, 2009.

Кузнецов 1899 — Кузнецов Я. Свадьба в Хмелевицком приходе Ветлужского уезда Костромской губернии // Живая старина. 1899. Вып. 4. С. 531–535.

Логиновский 1899 — Логиновский К. К. Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 5. Вып. 2. Хабаровск, 1899. С. 1–94.

Мыльникова, Цинциус 1928 — Мыльникова К., Цинциус В. Северно-Великорусская свадьба // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1928. С. 17–171.

Ончуков 1908 — Ончуков Н. Свадебная сказка во время смотрин // Живая старина. 1908. Вып. 2. С. 261–264.

Ордин 1896 — Ордин Н. Г. Свадьба в подгородних волостях Сольвычегодского уезда // Живая старина. 1896. Вып. I. С. 51–121.

Поспелов 1877 — Поспелов М. М. Свадебные обычаи Ветлужского края Макарьевского уезда // Нижегородский сборник, издаваемый губернским статистическим комитетом. Т. 6. Н. Новгород, 1877. С. 107–155.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

РО ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, рукописный отдел.

РО РНБ — Российская национальная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, рукописный отдел.

Русская свадьба 2001 — Русская свадьба: В 2 т. Т. 2 / Сост. А. В. Кулагина, А. Н. Иванов. М., 2001.

Русский фольклор Удмуртии 1990 — Русский фольклор Удмуртии / Сост., прим. и коммент. А. Г. Татаринцева. Ижевск, 1990.

Суслов 1901 — Суслов И. Из свадебных обрядов Малмыжского уезда // Вятские губернские ведомости. 1901. № 33. С. 1–3.

СыктГУ — Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета.

Тихонов 1912 — Тихонов И. А. Старинная русская свадьба. Саратов, 1912.

Тронин 1895 — Тронин П. Шестой земский участок Нолинского уезда // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1896 год. Вятка, 1895. С. 214–244.

Трунов 1869 — Трунов А. И. Понятия крестьян Орловской губернии о природе физической и духовной // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 2. СПб., 1869.

Шаповалова, Лаврентьева 1998 — Русская обрядовая поэзия / Сост., авт. ст. и коммент. Г. Г. Шаповаловой, Л. С. Лаврентьевой. СПб., 1998.

Исследования

Андрюнина 2012 — Андрюнина М. А. Труба печная // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 5: С (Сказка) — Я (Ящерица). / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2012. С. 325–329.

Афанасьев 1868 — Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1868.

Байбурин 2005 — Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 2005.

Балашов, Марченко, Калмыкова 1985 — Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшенье и на Уфтыге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985.

Виноградова, Толстая 1999 — Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Запреты // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 2: Д (Давать) — К (Крошки) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999. С. 269–273.

Владыкина 2009 — Владыкина Т. Г. Языковые клише ритуализованных норм поведения удмуртов // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 12: Социальные и эстетические нормативы традиционной культуры. М., 2009. С. 34–41.

Гура 2012 — Гура А. В. Собака // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 5: С (Сказка) — Я (Ящерица). / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2012. С. 93–95.

Гура, Узенева 2009 — Гура А. В., Узенева Е. С. Петух // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2009. С. 28–35.

Зеленин 1995 — Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки / Вступ. ст. Н. И. Толстого; Подг. текста, коммент., указат. Е. Е. Левкиевской. М., 1995.

Каргин, Костина 2009 — Каргин А. С., Костина А. В. Социально-организующая функ-

ция норматива // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 12: Социальные и эстетические нормативы традиционной культуры. М., 2009. С. 7–17.

Крашенинникова 2003 — Крашенинникова Ю. А. Свадебные приговоры дружки (структурно-семантический, функциональный аспекты жанра): Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2003.

Крашенинникова 2015 — Крашенинникова Ю. А. О случаях и механизмах жанрового взаимодействия в текстах свадебного обряда (на материале приговоров девушек «на свадебное деревце») // Традиционная культура. 2015. № 3 (59). С. 149–163.

Неклюдов 1979 — Неклюдов С. Ю. О кривом оборотне (к исследованию мифологической семантики фольклорного мотива) // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979. С. 133–141.

Новичкова 1987 — Новичкова Т. А. Рецензия на: А. К. Байбурин. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983 // Русский фольклор. Т. XXIV: Этнографические истоки фольклорных явлений. Л., 1987. С. 180–186.

Санникова 1995 — Санникова О. В. Брань // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 1: А (Август) — Г (Гусь) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1995. С. 250–253.

Славянская традиционная культура 2009 — Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 12: Социальные и эстетические нормативы традиционной культуры. М., 2009.

Терновская, Толстой 1995 — Терновская О. А., Толстой Н. И. Баба // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 1: А (Август) — Г (Гусь) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1995. С. 122–123.

Толстая 2009 — Толстая С. М. Правый — левый // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2009. С. 233–237.

Уляшев 1999 — Уляшев О. И. Тышкөдөм // Мифология коми. М.; Сыктывкар, 1999. С. 362–363. (Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1).

Чернов 1967 — Чернов И. А. О семиотике запретов // Труды по знаковым системам. 1967. Вып. 3. С. 45–59.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Крашенинникова Ю. А. <https://orcid.org/0000-0002-2045-4486>

Кандидат филологических наук, заведующая сектором фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН: Российская Федерация, Республика Коми, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; тел.: +7 (8212) 20-17-02; e-mail: krasheninnikova@rambler.ru

RULES IN POETIC TEXTS OF A WEDDING RITUAL (ON THE MATERIAL OF WEDDING SPEECHES AND RHYMES)

YULIYA A. KRASHENINNIKOVA

(Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Center, Uralic Branch,
Russian Academy of Sciences: 26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, Komi Republic, 167982,
Russian Federation)

Summary. Rules, being a steady component of traditional culture, including a wedding ritual, are fixed both in ethnographic descriptions of a wedding, and poetic texts of a wedding ceremony. On material of wedding speeches and rhymes the author considers a problem of a verbal manifestation (display) of the prohibitions and prescriptions known in culture and functioning in a wedding: in particular, how rules are fastened in the wedding rhymes, frequency of their using in texts, productiveness or unproductiveness of different rule's representations; the mechanisms of the embodiment of prohibitions and prescriptions in poetic texts, descriptions illustrating consequences of violation of this or that rule present in the rhymes, ways and mechanisms of description of the consequences which are caused by violation of prohibition and rules).

Key words: wedding ceremony, wedding rhymes and speeches, prohibition, prescription, verbal manifestation of rule.

Acknowledgements. This research has been supported by grant of the Russian Foundation for Basic Research (project No. 18-012-00202a).

References

Afanasyev A. N. (1994) Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu [Poetic views of the Slavs on nature]. In III vol. Vol. II. Moscow. In Russian.

Andryunina M. A. (2012) Truba pechnaya [Stove chimney]. In: Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. In 5 vol. Vol. 5. Moscow. Pp. 325–329. In Russian.

Balashov D. M., Marchenko Yu. I., Kalmykova N. I. (1985) Russkaya svad'ba. Svadebnyy obryad na Verkhney i Sredney Kokshen'ge i na Uft-yuge (Tarnogskiy rayon Vologodskoy oblasti) [Russian wedding. Wedding rite in the upper and middle course of Koksenga the river and over the Uftuga river (Tarnoga district of Vologda region)]. Moscow. In Russian.

Bayburin A. K. (2005) Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan [Dwelling in ceremonies and representations of East Slavs]. Moscow. In Russian.

Chernov I. A. (1967) O semiotike zapretov [On semiotics of prohibitions]. *Trudy po znakovym sistemam* [Sign system studies]. 1967. Issue 3. Pp. 45–59. In Russian.

Gura A. V. (2012) Sobaka [Dog]. In: Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'. [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. In 5 vol. Vol. 5. Moscow. Pp. 93–95. In Russian.

Gura A. V., Uzeneva E. S. (2009) Petukh [Rooster]. In: Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'. [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. In 5 vol. Vol. 4. Moscow. Pp. 28–35. In Russian.

Kargin A. S., Kostina A. V. (2009) Sotsial'no-organizuyushchaya funktsiya normativa [Social arrangement function of the norm]. In: Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir [Slavic traditional culture and the contemporary world]. Issue 12: Sotsial'nye i esteticheskie normativy traditsionnoy kul'tury [Social and esthetic norms of the traditional culture]. Moscow. Pp. 7–17. In Russian.

Krasheninnikova Yu. A. (2003) Svadebnye prigovory družhki (strukturno-semanticheskiy, funktsional'nyy aspekty zhanra) [Wedding Rhymes of the best man (structural- semantic and functional aspects of the genre)]. PhD thesis (Philology). Syktyvkar. In Russian.

Krasheninnikova Yu. A. (2015) O sluchayakh i mekhanizмах zhanrovogo vzaimodeystviya v tekstakh svadebnogo obryada (na materiale prigovorov devushek «na svadebnoe derevtse») [About cases and mechanisms of genre interaction in wedding ceremony texts (on material of maidens' speeches addressing “wedding tree”)]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. 2015. No. 3 (59). Pp. 149–163. In Russian.

Neklyudov S. Yu. (1979) O krivom oborotne (k issledovaniyu mifologicheskoy semantiki fol'klornogo motiva) [About the one-eyed shape-shifter]. In: Problemy slavyanskoy etnografii [Problems of Slavic ethnography]. Leningrad. Pp. 133–141.

Novichkova T. A. (1987) Review on: A. K. Bayburin. Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan [Dwelling in rites and notions of the Eastern Slavs]. In: Russkiy fol'klor [Russian Folklore: Materials and studies].

Vol. XXIV: Etnograficheskie istoki fol'klornykh yavleniy [Ehtnographic sources of folklore phenomena]. Leningrad. Pp. 180–186. In Russian.

Sannikova O. V. (1995) Bran' [Curse invectives]. In: Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'. [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. In 5 vol. Vol. 1. Moscow. Pp. 250–253. In Russian.

Ternovskaya O. A., Tolstoy N. I. (1995) Baba [Female]. In: Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'. [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. In 5 vol. Vol. 1. Moscow. Pp. 122–123. In Russian.

Tolstaya S. M. (2009) Pravyy — levyy [Right vs. left]. In: Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'. [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. In 5 vol. Vol. 4. Moscow. Pp. 233–237. In Russian.

Ulyashev O. I. (1999) Tshyködöm [Evil word bewitchment]. Mifologiya komi [Komi mythology]. Moscow; Syktyvkar. Pp. 362–363. In Russian.

Vinogradova L. N., Tolstaya S. M. (1999) Zaprety [Prohibitions]. In: Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'. [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. In 5 vol. Vol. 2. Moscow. Pp. 269–273. In Russian.

Vladykina T. G. (2009) Yazykovye klishe ritualizovannykh norm povedeniya udmurtov [Linguistic cliché for ritualized norms of behavior among the Udmurts]. In: Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir [Slavic traditional culture and the contemporary world]. Issue 12. Sotsial'nye i esteticheskie normativy traditsionnoy kul'tury [Social and esthetic norms of the traditional culture]. Moscow. Pp. 34–41. In Russian.

Zelenin D. K. (1995) Izbrannyye trudy. Ocherki russkoy mifologii: Umershie neestestvennoyu smert'yu i rusalki [Selected works. Essays on Russian mythology. Unnatural death casualties and mermaids]. Moscow. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

Krashennnikova Yu. A. <https://orcid.org/0000-0002-2045-4486>

E-mail: krashennnikova@rambler.ru

Tel.: +7 (8212) 20-17-02

26, Kommunisticheskaja str., Syktyvkar, 167982, Komi Republic, Russian Federation

PhD (Philology), the head of the Folklore Department, Institute of Language, Literature and

History, Komi Scientific Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences
